

Дионисия напишу с себя

В залах Московского союза художников в Старосадском открыта ретроспективная выставка произведений заслуженного художника России, члена-корреспондента Российской академии художеств, лауреата Государственной премии России Эдуарда БРАГОВСКОГО, приуроченная к его 80-летию. По словам Павла Никонова, "Браговский — художник прежде всего потому, что его творчество индивидуально, ни с кем никогда его не перепутаешь, хотя у Браговского появилось много поклонников и подражателей. В уважительном отношении к коренным традициям, в отзывчивости к мировой изобразительной культуре и в то же время в непрерывном использовании всего приобретенного на родной почве, в самом добросовестном подходе к натуре — во всем этом мы видим глубоко национальные черты русского художника". О своих юбилейных ощущениях и творческом кредо "Культуре" рассказал сам мэтр.

— По-моему, вы как-то сразу нашли свою живописную манеру, свое образное и цветовое видение мира...

— На выставку я представил и свои ранние работы, и созданные в последние годы. Они действительно как будто бы сходны по своей живописи, по колориту. Но при кажущейся одинаковости моя живописная манера постоянно, непрерывно меняется. И это естественно. С годами крепнут мастерство и профессиональные навыки, приходит опыт. Ныне я точно рассчитываю каждую деталь, каждый мазок, каждое сопоставление цветовых оттенков. У меня каждая закорючка имеет смысл, мазок положен совсем не случайно, ибо он определяет живописный контур. Особенно не терплю небрежностей в изображении человеческого тела, анатомия должна быть безукоризненной, а некоторые художники этим пренебрегают. В живописной картине все должно быть рассчитано. В этом отношении я страшный педант.

Пишу до самого последнего кусочка холста, до последнего миллиметра, поэтому мне бывает тяжело одевать раму. Уберешь хотя бы один сантиметр — меняется вся композиция картины, меняется ее смысл. А вот со стороны такой скрупулезный расчет не виден, кажется, что все сделано легко и просто.

— Вы работаете по вдохновению или по строгому режиму?

— Работаю непрерывно, каждый день. В Тарусе, где я провожу большую часть времени, встаю в четыре-пять часов утра — и за работу! Когда-то моей нормой было два этюда в день. Умри, но сделай! Помню в Ростове-Ярославском исполнил за день картину и два этюда. Тогда-то меня и прозвали "трехжилым". Сейчас, конечно, столько мне уже

русой. Я люблю старые русские города — Переславль-Залесский, Ростов-Ярославский, Псков, Новгород, Ферапонтово... Я объездил Россию, побывал и во многих странах.

— Что вы считаете самым значительным в своей творческой жизни?

— Шестидесятые годы уже прошлого столетия, когда из "оттепели" родилось молодое художественное движение, изменившее развитие отечественного изобразительного искусства. Я принадлежу к "шестидесятникам", чем очень горжусь. Это движение дало столько прекрасных художников: Павла Никонова, Николая Андропова, Ивана Сорокина, Виктора Попкова, Таира Салахова, Альберта Папикяна, Петра Оссовского, Телия Коржева, Михаила Иванова... Сегодня это движение на Западе почему-то называют "русским импрессионизмом". Такая выставка недавно состоялась в Третьяковской галерее.

— Я вижу в мастерской большой, уже загрунтованный чистый холст. Что на нем будет?

— Дионисий. Великий и мудрый мастер стоит у своих фресок в Ферапонтовом монастыре. Картину пишу вот с этого этюда, который сделал еще в 50-е годы. Ферапонтово я обожаю! Лучше Дионисия никого нет на

свете! А Дионисия напишу с себя. И возраст подходит, и с седой бородой он, наверное, был. Я так представляю его внешний облик.

Еще пишу дымы. В прошлом году вокруг Тарусы горели леса, и город был закрыт пеленой дыма. Картину назову "Россия во мгле"...

— Название весьма обязывающее, оно не просто о лесных дымах над Тарусой...

— Само собой разумеется. Но остальное — все, что есть в художнике, в его душе и сердце, в его понимании жизни вообще, ее нравственно-духовных принципов. Ведь живопись — это такой титанический, непосильный труд! Живопись — в каждом сантиметре холста. А это удается немногим художникам.

Прежде всего "шестидесятникам", которых я упоминал. Даже моя жена, Наталья Сергеевна Любимова, как живописец, пожалуй, сильнее меня. Она очень тонко чувствует цвет...

— У вас, кажется, вся семья — художники?

— Сильным живописцем считаю сына Петра. Но он слишком увлекся хорошо оплачиваемым дизайном, наверное, в ущерб своему истинному живописному призванию. Хотя я его понимаю — у него трое детей...

Суриковский институт окончила и дочь Аня. И мой зять — художник Владимир Севастьянов, и невестка — Лада Мнацаканян.

— Вы — художник совершенно другого поколения, чем они, находите ли вы с ними общий язык в отношении искусства?

— Безусловно. Хотя они совсем другие, чем я. Но нас объединяет любовь к живописи.

— Говорят, что знаменитая Московская школа живописи, к которой вы отношусь и вас, приходит в упадок?

— К сожалению, это так. Не способствует ее развитию и Суриковский институт. У его выпускников живописцев подчас нет той углубленности, того проникновения в сущность живописи, того святого отношения к творчеству вообще, что было у нас, "шестидесятников". Искусство у них измеряется деньгами, модой, рыночной конъюнктурой. А это порождает дилетантизм, профессиональную безграмотность, которые, словно страшная эпидемия, захлестнули нашу живопись. И не только ее...

Создается впечатление, что большинство достижений сегодняшнего искусства уходит своими корнями в "оттепель" 60-х годов. А что дало яркое, самобытное, значительное искусство конца прошлого — начала этого века? Почти ничего! А ведь какая была дана свобода творчества! Твори, пробуй, выражай себя всеми доступными средствами... И что же?! Я не вижу сейчас в нашем изобразительном искусстве молодого, мощного, многообещающего движения, подобно "шестидесятникам". Конечно, таланты есть, и, наверное, их немало. Но как-то растворились они в общей однообразной и аморфной массе.

— Тем не менее в Московский союз художников приходит много молодежи...

— Это естественно, потому что он дает возможность художникам собраться вместе, сообща обсудить профессиональные проблемы, обращаться за помощью в их решении к государству, к обществу. Более того, только в союзе единомышленников вырабатывается свой "гамбургский счет", подчас весьма отличный от государственной табели о рангах. Только в союзе можно определить, кто есть кто и сколько он значит в искусстве.

Э. Браговский. "Голубой март". 1970 г.

Культура — 2003 — 30 окт. — 5 нояб. — 110